

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

РАЗВОД С ГЕНЕРАЛОМ.

МОЯ ЖИЗНЬ
БЕЗ ПРИКАЗОВ

Виолетта Весна

**Развод с генералом.
Моя жизнь без приказов**

«Автор»

2026

Весна В.

Развод с генералом. Моя жизнь без приказов / В. Весна —
«Автор», 2026

Пятнадцать лет я была женой человека, привыкшего принимать решения в чрезвычайных ситуациях. Но однажды генерал Герман Ольхов решил за меня — на глазах у журналистов объявил, какую должность я займу и где буду жить. В тот же вечер я потребовала развод. Я готова оставить прошлое, но не центр восстановления «Берег», над которым работала почти год. Чтобы открыть его, нам придется снова оказаться рядом: спорить, принимать сложные решения и вспоминать, почему когда-то мы выбрали друг друга. Герман уверен, что сможет вернуть меня. Только на этот раз громких обещаний недостаточно. Ему придется доказать, что он способен не командовать любимой женщиной, а услышать ее ответ. А мне — решить, возможна ли любовь после развода, если прежний брак уже нельзя спасти.

© Весна В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. РЕШЕНИЕ, КОТОРОГО Я НЕ ПРИНИМАЛА	5
ГЛАВА 2. ПЛАН ЭВАКУАЦИИ ИЗ БРАКА	10
ГЛАВА 3. УСЛОВИЯ РАЗДЕЛЬНОЙ РАБОТЫ	16
ГЛАВА 4. ПРАВО ЗАКРЫТЬ ДВЕРЬ	21
ГЛАВА 5. ЛЮДИ ВМЕСТО ПОКАЗАТЕЛЕЙ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виолетта Весна

Развод с генералом.

Моя жизнь без приказов

ГЛАВА 1. РЕШЕНИЕ, КОТОРОГО Я НЕ ПРИНИМАЛА

За семь минут до начала брифинга Павел Кречетов протянул мне новую программу.

— Ваше выступление перенесли после вопросов прессы, — сказал он.

— У меня было двенадцать минут перед вопросами.

— Теперь пять. После вступительного слова Германа Аркадьевича.

Павел произнес это без неловкости. Он вообще обладал редким даром сообщать плохие новости так, будто зачитывал температуру воздуха. Я посмотрела на распечатку. Мое имя стояло четвертым, после Германа, Юлии Ремезовой и человека из финансового блока, которого я видела дважды. Пять минут на проект, которым мое бюро занималось почти год.

— Кто изменил программу?

Павел выдержал короткую паузу.

— Мы согласовали более плотный формат.

В переводе с его языка «мы» означало, что Герман отдал распоряжение, а Павел сделал так, чтобы распоряжение выглядело естественным ходом вещей.

За стеклянной стеной пресс-центра техники проверяли микрофоны. На главном экране сменялись фотографии будущего центра «Берег»: длинное здание бывшей речной учебной станции, внутренний двор, широкие окна со стороны воды. На визуализациях все было уже закончено. В жизни на третьем этаже не хватало перегородок, а проектировщики спорили с безопасностью из-за второго входа.

— Мне нужно поговорить с Германом, — сказала я.

— Он с заместителем министра.

— Тогда передайте, что мои пять минут начинаются до вопросов. Или я не выступаю.

Павел посмотрел на меня внимательнее. Мы знали друг друга девять лет, и все девять он называл меня Кирой Андреевной даже за семейным столом.

— Я передам.

— Сейчас, пожалуйста.

Он ушел, не ускорив шага.

Я открыла свою папку. Внутри лежали планы, три фотографии тестового маршрута и карточка с цифрами. Я могла уложиться в пять минут. За годы работы я научилась объяснять сложный проект человеку, который уже опаздывает. Но сегодня дело было не в минутах. На сцене собирались объявить о начале программы, к которой «Берег» имел отношение только как пилотная площадка. Мы еще не доказали, что система работает. Зато федеральные отчеты уже называли ее образцовой.

Юлия Ремезова подошла ко мне со стаканом воды.

— Не убивайте Павла. Он исполнитель.

— Я пока никого не убила. Просто уточняю, кто распоряжается моим выступлением.

— Герман хочет сначала объявить главное.

— Какое главное?

Юлия отпила воду и слишком быстро посмотрела в сторону сцены.

— Он сам скажет.

Она знала. Павел знал. Человек из финансового блока, судя по довольному лицу, тоже знал. Не знала только я.

Герман появился в дверях через минуту. Темная форма сидела на нем без единой складки, хотя с пяти утра он был на совещаниях. У линии подбородка белел старый шрам. В молодости я спрашивала, откуда он. Он отвечал, что от глупости. Позже Ада рассказала: в двадцать три года брат полез первым в разбитый автобус и поймал щекой осколок. Герман никогда не исправлял красивую версию на точную, если неточность касалась его самого.

— Кира, — сказал он, подойдя. — Пять минут хватит. Основную часть я возьму на себя.

— Что именно ты собираешься объявить?

Павел отступил на два шага. Юлия внезапно заинтересовалась телефоном.

Герман посмотрел на часы.

— Мы получили предварительное согласование на расширение программы. Твою концепцию берут за основу.

— Это хорошая новость. Почему я узнаю ее за пять минут до эфира?

— Потому что окончательное подтверждение пришло утром. Я решил вопрос с финансированием и полномочиями. Тебе не придется снова доказывать, почему архитектор должен участвовать после сдачи объекта.

Он говорил спокойно. Так же спокойно он однажды сообщил, что мы через месяц переезжаем в другой город. Тогда мне было тридцать, в бюро работали мы с помощницей, а новый заказ я могла вести из любого места. Я согласилась. В следующий раз на сборы дали три недели. Потом мы вернулись, и я сказала себе, что это тоже мой выбор.

— Какими полномочиями?

В зале приглушили свет. Техник показал Павлу два пальца.

— После брифинга, — ответил Герман. — Сейчас доверься мне.

— Я доверяла тебе пятнадцать лет. Это не ответ.

Он нахмурился, но не успел ничего сказать. Павел напомнил, что трансляция начинается через девяносто секунд. Герман положил ладонь мне на локоть, направляя к сцене. Движение было привычным, почти незаметным. Я убрала руку раньше, чем он успел понять.

— Не надо, — сказала я.

Мы заняли места за длинным столом. Перед нами стояли таблички с фамилиями. Моя — «К. А. Данилевская, архитектор». У Германа перечислялись звание и должность; текст занял три строки.

Первые десять минут прошли предсказуемо. Юлия говорила о межведомственном взаимодействии. Мещеряков — о контроле расходов и сроках. Герман поблагодарил регион, специалистов и общественный совет. Потом закрыл папку и посмотрел прямо в центральную камеру.

— Пилотный центр «Берег» станет основой постоянной программы, — сказал он. — Архитектурное направление возглавит автор концепции Кира Андреевна Данилевская. Она приняла предложение и с апреля будет работать в Реченске на постоянной основе.

Я не сразу повернула голову. Слова были простыми, без двусмысленности. Приняла. Будет работать. На постоянной основе.

В первом ряду поднялись телефоны. Мещеряков одобрительно кивнул. Юлия смотрела на стол.

Герман продолжал говорить о сроках, но я уже не слышала предложений целиком. За последнюю неделю мы дважды ужинали вместе. В первый вечер он спросил, интересно ли мне было бы создать еще несколько таких центров. Я сказала, что сначала хочу довести до ума один. Во второй раз я рассказывала о новом заказе бюро. Он слушал, отвечал на сообщения и сказал: «Подумаем, как совместить».

Оказывается, подумал.

Когда модератор передал слово мне, на экране появилась первая визуализация «Берега». Я встала и подошла к стойке.

— Центр начинается не с фасада, — сказала я. — Он начинается с момента, когда человек решает войти. Иногда ему трудно сделать это при свидетелях. Поэтому в нашем проекте есть разные маршруты, тихие зоны и помещения, где семья может поговорить без посторонних.

Я показала план первого этажа. Объяснила, почему широкий коридор не всегда удобен, если по нему одновременно ведут экскурсию и везут человека после операции. Рассказала о тестировании с будущими пользователями. Уложились в четыре минуты сорок секунд.

Первый вопрос журналистки был не о центре.

— Кира Андреевна, вы подтвердите, что переезжаете в Реченск и возглавляете всю программу? Это новое назначение или расширение семейного участия в проекте генерала Ольхова?

Вопрос был неприятным, но честным. Я посмотрела на Германа. Он едва заметно качнул головой: не сейчас. Еще одно готовое решение.

— Мое бюро получило предложение, — ответила я. — Оно заслуживает серьезного рассмотрения. Но договор не подписан, и согласия на назначение я не давала. Сегодня я представляю только проект центра «Берег».

В зале стало тихо. Не образно — просто перестали щелкать клавиши и шуршать листы.

Модератор быстро выбрал другого журналиста. Тот спросил о бюджете. Мещеряков ответил длинно и уверенно. Герман не посмотрел на меня ни разу до конца брифинга.

За кулисами он попросил:

— Останься.

— У меня встреча с проектировщиками.

— Ее перенесут.

— Нет.

— Кира, нам нужно согласовать позицию до того, как это разойдется по лентам.

— Позицию надо было согласовать до того, как ты объявил ее в эфире.

Павел встал между нами не телом, а папкой. Он сообщил Герману, что заместитель ждет в переговорной. У мужа на скулах обозначилось напряжение.

— Машина отвезет тебя в бюро, — сказал он. — В семь поговорим дома.

Я хотела отказаться от машины только потому, что ее предложил он. Потом посмотрела на время и сказала Павлу адрес. Свобода не требовала опоздать на собственную встречу.

В бюро меня ждали четверо сотрудников и девятнадцать непрочитанных сообщений. Помощница Нина молча протянула телефон. На экране был заголовок: «Жена генерала возглавит федеральный проект мужа». Ни слова о моем бюро, исследованиях или годе работы.

— Поздравлять? — осторожно спросил младший архитектор.

— Нет. Назначения нет.

— Но по телевизору сказали...

— По телевизору ошиблись.

Я открыла чертежи. Первые пятнадцать минут мы обсуждали входную группу. Потом Нина спросила, переезжает ли бюро в Реченск. Я снова сказала «нет» и услышала, как резко это прозвучало.

В половине седьмого я закончила встречу и вышла на улицу. Мартовский снег у тротуара превратился в серую крупу. Машина Германа ждала напротив. Я прошла мимо и вызвала такси.

В нашей квартире горел свет только на кухне. Герман снял форму и остался в белой рубашке с закатанными рукавами. На столе лежала синяя папка, рядом стояли две тарелки с остывшим ужином.

— Ты не отвечала, — сказал он.

— Я работала.

- Я попросил Павла подготовить опровержение формулировки про семейный проект.
- А формулировки про мое согласие?
- Мы могли решить это без публичного противоречия.

Я сняла пальто и повесила его в прихожей. Вернулась, села напротив. Между нами лежала папка.

— Что там?

— Условия назначения. Отдельный бюджет, право выбирать команду, прямой доступ к куратору программы. Служебную квартиру в Реченске можно заменить компенсацией. Я предусмотрел, чтобы ты сохранила бюро.

Он развернул папку ко мне. Таблицы, проект договора, список возможных помещений для офиса. Даже варианты поездов с удобным временем отправления.

— Когда ты начал это готовить?

— Три недели назад.

— Мы говорили об этом дважды.

— Мы говорили о самой идее много лет. Ты всегда хотела, чтобы такие центры проектировали не по остаточному принципу.

— Хотела. Но должность, переезд и подчинение программе — разные решения.

— Поэтому я добился условий, при которых ты не будешь никому подчиняться в профессиональных вопросах.

— Кроме тебя.

— Ты не будешь подчиняться мне.

— Сегодня ты сократил мое выступление, объявил мое согласие и сообщил, где я буду жить. Как это называется у вас в управлении?

— Не передергивай. Я обеспечил возможность, которой у тебя раньше не было.

Он все еще не повышал голоса. Герман почти никогда его не повышал. Для приказа ему это не требовалось.

— Ты хоть раз спросил меня прямо?

— Я знал, что ты согласишься, когда увидишь условия.

— Но объявил до того, как показал.

— Финансирование подтверждали сегодня утром. Нельзя было упускать момент.

— Можно было сказать: «Мы сделали предложение Кире Данилевской». Это заняло бы столько же времени.

Он отодвинул папку.

— Хорошо. Я ошибся с формулировкой. Завтра мы ее исправим. Но твоя реакция тоже создала проблему. Мещеряков уже ставит под вопрос управляемость проекта.

Пятнадцать лет назад слово «управляемость» в разговоре обо мне показалось бы ему нелепым. Сегодня он произнес его и не заметил.

— Я не часть проекта, которой надо управлять.

— Я этого не говорил.

— Тебе не понадобилось.

Он встал, прошел к окну и вернулся. Обычно такие паузы означали, что он ищет решение. Я ждала знакомой последовательности: отменить завтрашние встречи, уехать на выходные, поговорить без эмоций. Потом он предложит компромисс, в котором я получу почти все, кроме права начать разговор сначала.

— Давай поедим, — сказал Герман. — Потом спокойно разберем каждый пункт.

Я посмотрела на тарелку. Раньше я согласилась бы. Не потому, что проголодалась, а потому, что разговор после ужина обещал быть спокойнее. Потом ему позвонили бы, я сказала бы, что ничего срочного, и папка осталась бы на столе до утра. Через неделю я подписала бы договор с двумя поправками и назвала бы это своим решением.

— Нет.

Он сел обратно.

— Что именно нет?

— Я не принимаю должность. Не переезжаю в Реченск. И не хочу разбирать условия, которые ты подготовил без меня.

— Ты отказываешься от программы из-за того, как я ее объявил?

— Я пока не отказываюсь от программы. Я отказываюсь жить так, будто мое согласие — последняя подпись под твоим планом.

Герман сцепил руки на столе.

— Чего ты хочешь?

Вопрос прозвучал наконец. На несколько лет позже, чем был нужен.

— Развода.

Он не пошевелился. За окном на перекрестке переключился сигнал, и красный свет прошел по стеклу кухонного шкафа.

— Не говори это только для того, чтобы я понял серьезность ситуации.

— Я говорю, потому что серьезность ситуации уже поняла я.

— Когда ты успела решить?

Я закрыла синюю папку и вернула ее на его сторону стола.

— Пока ты решал за меня.

ГЛАВА 2. ПЛАН ЭВАКУАЦИИ ИЗ БРАКА

На следующее утро Герман положил рядом с моей чашкой лист бумаги.

Я успела прочитать первые три строки, прежде чем поняла, что это расписание.

Среда, девятнадцать ноль-ноль — семейный психолог. Четверг — ужин без телефонов. С пятницы по воскресенье — загородный дом. Ниже стояли фамилия специалиста, адрес, время выезда и пометка о том, что Павел перенес два совещания.

— Ты не спал? — спросила я.

— Достаточно.

Герман стоял у кофемашины в форме. В семь утра он уже успел побриться, поговорить с водителем и составить план спасения нашего брака. Я была в халате, с мокрыми волосами и ясным ощущением, что за ночь ничего не передумала.

— Я не пойду сегодня к психологу.

— Почему?

— Потому что меня не спросили.

Он выключил машину. Кофе продолжал капать в чашку.

— Я нашел специалиста, у которого появилось окно. Это не приказ.

— Тогда почему мое имя уже записано?

— Запись можно отменить.

— Отмени.

Герман взял лист, провел пальцем по краю и аккуратно сложил пополам. Я знала этот жест. Так он поступал с докладом, который требовал переделки.

— Кира, вчера мы оба были на пределе.

— Я не была на пределе. Я была очень спокойна.

— Ты потребовала развод из-за одного неверного заявления.

— Нет. Из-за пятнадцати лет, в которых такие заявления становились нормой.

— Назови еще одно.

Он сказал это слишком быстро. Не от злости — от уверенности, что список окажется коротким.

Я села за стол. Можно было начать с переездов. С того, как Герман отказался от имени нас обоих на свадьбе его подчиненного, потому что в тот день у него был вылет. С того, как моя мать узнала о продаже нашей первой машины раньше меня: Павел позвонил ей, чтобы предложить исправный автомобиль. С похорон отца. Но я не хотела устраивать экзамен по семейной памяти, где победит тот, кто сохранил больше квитанций.

— В прошлом году ты согласился, что мы проведем август вместе, — сказала я. — За две недели до отпуска сообщил, что мы едем на ведомственную базу, потому что тебе удобно оттуда работать. Я отказалась. Ты заказал мне билет.

— Ты приехала.

— Да. Потому что деньги уже были потрачены, мама взяла мою собаку, а ты сказал, что иначе мы вообще не увидимся.

— И нам было хорошо.

— Это не превращает способ, которым ты меня туда привез, в нормальный.

Герман оперся ладонями о стол.

— Еще.

— На юбилей мамы ты выбрал ресторан и оплатил зал, хотя она просила домашний ужин.

Когда она расстроилась, ты объяснил, сколько хлопот ей сэкономил.

— Твоя мать потом сказала, что все прошло прекрасно.

— Потому что она умеет благодарить за то, чего не хотела. Я у нее научилась.

Он отступил от стола. На секунду я увидела не руководителя, который собирал данные, а мужа, которого ударили знакомым фактом с неожиданной стороны.

— Похороны, — добавила я. — Ты организовал машину, место, документы. Потом уехал, потому что возникло совещание.

— Ты сама сказала ехать.

— Да.

— Я дважды спросил.

— Я дважды сказала, что справлюсь. Ты не спросил, хочу ли я справляться одна.

— Как я должен был это понять?

— Не знаю. В том и проблема. Я ждала, что ты догадаешься, а ты слышал удобный ответ.

Мы оба делали одно и то же много лет. Только вчера ты вынес это на сцену перед камерами.

Он посмотрел на часы. Через двадцать минут его ждала машина.

— Тогда психолог нам тем более нужен.

— Возможно. Но не сегодня и не тот, которого выбрал ты до разговора со мной.

— Я могу дать тебе список.

— Герман, я хочу обсуждать только развод, имущество и правила работы по «Берегу».

Он выпрямился.

— Ты хочешь, чтобы я просто согласился?

— Я хочу, чтобы ты услышал.

— Я слышу. И не считаю, что пятнадцать лет можно закончить за один вечер.

— Они не закончились за вечер. Я просто сказала об этом за один вечер.

Его телефон завибрировал. Он отклонил вызов. Раньше этот жест тронул бы меня: Герман выбирает разговор со мной вместо работы. Теперь я заметила другое. Он по-прежнему решал, когда разговор начался и когда должен закончиться.

— Я поживу отдельно, — сказала я. — С сегодняшнего дня.

— Где?

— В своей квартире.

— Там арендатор.

— Договор закончился в феврале. Он съехал в воскресенье.

Герман поднял взгляд.

— Ты собиралась уходить до брифинга?

— Нет. Я собиралась делать ремонт перед новой сдачей.

— Квартира пустая. Там даже кровати нет.

— Куплю.

— Это нелепо. Я могу переехать в служебную.

— Можешь. Но я не прошу тебя освобождать квартиру. Я сообщаю, что сегодня переночую у себя.

— Я пришлю людей, они помогут с вещами.

— Нет.

— Кира, ты не обязана таскать коробки, чтобы доказать самостоятельность.

— А ты не обязан решать, какая помощь мне нужна.

Он взял фуражку с подоконника.

— Хорошо. Позвони, если понадобится машина.

— Спасибо.

В прихожей Герман задержался.

— Я отменю психолога. Но про развод сегодня никому не сообщай. Нам нужно понять последствия для проекта.

— Я поговорю с адвокатом.

— С каким?

— Со своим.

Дверь закрылась обычным щелчком замка. Я осталась на кухне, где на столе лежал сложенный план спасения и остывал кофе, который Герман приготовил мне по привычке.

В бюро Нина встретила меня у входа.

— У нас три журналиста, два предложения дать комментарий и один букет без карточки.

— Букет убери в переговорную. Журналистам скажи, что обсуждаем только проект.

— А комментарий про назначение?

— Подготовим письменный. Оно не состоялось.

Нина смотрела на меня еще секунду.

— Хорошо. И вас ждет Софья.

Софья Аверина сидела за моим столом и листала договор по «Берегу». Ее темные волосы были собраны в низкий хвост, рядом лежал блокнот с тремя закладками. Мы познакомились в университете, когда она по ошибке пришла на лекцию по истории архитектуры и проспала половину занятия. Позже выяснилось, что ошиблась она аудиторией, а не выбором подруги.

— Ты быстро, — сказала я.

— Ты написала в шесть двенадцать утра: «Нужен развод. Есть время?» Я решила, что голосом будет понятнее, насколько это серьезно.

— И насколько?

— Ты уже заказала грузовую машину?

— Нет.

— Значит, серьезно. В прошлый раз после ссоры ты заказала ее через двадцать минут, потом отменила и заплатила неустойку.

Это было шесть лет назад. Герман тогда принял предложение о должности в другом регионе и сказал мне после официального ответа. Я собрала две коробки, вызвала перевозку, а потом решила, что расставаться из-за одного переезда глупо. Мы уехали вместе.

— Я хочу понять процедуру, — сказала я. — Без войны.

— Войну я бы тебе не рекомендовала. У нее плохая отчетность по расходам.

Софья закрыла договор.

— Дети?

— За ночь не появились.

— Я обязана спросить. Общая недвижимость?

— Загородный дом. Квартира служебная. Маленькая квартира моя, куплена до брака.

— Бюро?

— Зарегистрировано на меня. Начальный капитал был из наследства бабушки, но часть оборудования покупали в браке.

— Накопления, счета, машины — соберем. Герман знает?

— Я сказала вчера.

— Реакция?

— Составил расписание примирения.

Софья подняла бровь.

— Узнаю человека, который однажды прислал мне схему рассадки на мой день рождения.

— Он хотел помочь.

— Я не оцениваю намерения. Нам сейчас нужны факты. Он угрожал деньгами, работой, репутацией?

— Нет.

— Ограничивал доступ к счетам?

— Нет.

— Ты собираешься прятать имущество, снимать все средства или публиковать семейную переписку?

— Нет.

— Прекрасно. Уже лучше, чем у половины моих клиентов. Что ты хочешь получить?

Я открыла рот и поняла, что ответа в цифрах у меня нет.

— Свою квартиру. Долю в доме продать. Бюро оставить отдельно. Остальное честно разделить.

— А от него лично?

— Чтобы отпустил.

— Это не юридическое требование. И не обещание, которое можно получить заранее.

Софья подвинула ко мне блокнот.

— Запиши, что для тебя означает «без войны». Конкретно. Не звонить сотрудникам друг друга, не использовать проект, не обсуждать прессу, не менять доступ к общим деньгам без уведомления. Потом отправим ему предложение о раздельном проживании и переговорах.

— Сегодня?

— Если ты не передумала.

— Не передумала.

Я сказала это уверенно и одновременно почувствовала, как привычная жизнь теряет форму. Герман знал, какие таблетки я принимаю при мигрени и почему не люблю сидеть спиной к двери в ресторане. Он помнил, что я не ем кинзу, хотя сам не различал ее в салате. Вчера вечером он перестал быть человеком, с которым я собиралась стареть. Но не перестал быть человеком, знавшим обо мне больше всех.

Софья подождала, пока я вернусь к блокноту, и постучала ногтем по пустой строке.

— Еще одно. Если ты рассчитываешь, что слово «развод» напугает Германа и он наконец станет удобным мужем, скажи сейчас. Я не хочу через неделю отзывать бумаги, потому что он купил билеты и заговорил полными предложениями.

— Не рассчитываю.

— Хорошо. Тогда никаких показательных выстрелов. Только действия, которые ты готова довести до конца.

До обеда я работала. В половине второго пришло письмо от отдела кадров федеральной программы. Меня поздравляли с предварительным назначением и просили заполнить анкету. В копии стояли Павел, Юлия и еще шесть человек.

Я ответила всем: «Благодарю за предложение. Согласия на назначение я не давала. До получения отдельного письменного ответа прошу не использовать формулировки, предполагающие заключенный договор или переезд».

Через три минуты позвонил Павел.

— Кира Андреевна, письмо получили. Герман Аркадьевич просит сначала согласовать внешние формулировки.

— Это внутренняя переписка.

— В копии семь человек.

— Семеро получили неверную информацию. Теперь получили верную.

— Он хотел сам исправить.

— Я тоже.

Павел вздохнул, едва слышно.

— В пятницу совет по «Берегу». Мещеряков ставит вопрос о рисках управления.

— Я буду.

— Совещание закрытое.

— Я руководитель архитектурной части и сторона договора.

— Приглашение уже отправил.

Я проверила почту. Приглашение пришло одновременно со звонком. Председателем значился Герман.

— Спасибо, Павел.

— Машина к шести нужна?

— Нет.

— Герман Аркадьевич сказал, что вы переезжаете.

Я закрыла глаза.

— Я сама сообщу ему, что мне нужно.

После работы Нина помогла отвезти две сумки и коробку книг. Я не просила, она предложила, а я согласилась. Это оказалось проще, чем доказывать принцип одиночным подъемом на четвертый этаж.

Моя квартира встретила нас запахом пыли и следами от мебели на светлом полу. В спальне не было кровати, в кухне — стола. Остались две табуретки, старый шкаф и плотные шторы, которые я выбирала в двадцать семь лет. Нина поставила коробку у стены.

— Могу заказать вам раскладушку.

— Уже заказала матрас.

— И когда привезут?

Домофон зазвонил прежде, чем я ответила. Курьер сообщил, что привез матрас и складное основание. Я показала Нине письмо с подтверждением.

— Вы всегда были быстрой, — сказала она.

— Просто у меня хороший пример.

Мы рассмеялись, и впервые за день мне стало легче.

Когда курьеры ушли, я разложила вещи. В девять пришло письмо Софьи с коротким предложением о порядке общения и имущества. Я перечитала его дважды и отправила Герману.

Он позвонил через минуту.

— Почему через адвоката?

— Потому что это развод.

— Мы можем обсудить правила сами.

— Сегодня утром ты уже принес правила.

На другом конце было слышно, как открылась и закрылась дверь кабинета.

— Ты в своей квартире?

— Да.

— Матрас привезли?

Я посмотрела на полиэтиленовую упаковку, которую еще не успела снять.

— Откуда ты знаешь, что там нет кровати?

— Я помогал тебе сдавать ее четыре года назад.

— Привезли.

— Хорошо. Я перееду в служебную на выходных. Ты можешь вернуться в нашу квартиру.

— Нет. Я остаюсь здесь.

— Там неудобно.

— Зато неудобство выбрала я.

Он помолчал.

— Я получил письмо Софьи. Не буду трогать счета и связываться с твоими сотрудниками.

Но заявление о разводе пока не подпишу.

— Я не требую подписи сегодня.

— Я хочу, чтобы ты это знала.

— Теперь знаю.

— Завтра в девять у нас совещание по безопасности «Берега».

— Я буду на связи.

— Спокойной ночи, Кира.

Я ответила теми же словами и отключилась. Потом сняла упаковку с матраса, нашла в коробке чистое белье и легла, не выключая свет в коридоре. Шум холодильника был громче, чем я помнила.

Я расправила простыню, но угол снова соскочил с нового матраса. Пришлось подняться, отодвинуть основание и начать заново. Никто не пришел исправлять, никто не знал, как удобнее. К полуночи болели руки, на кухне не было чайника, а в телефоне оставалось пять процентов заряда. Я легла в этой неустроенности и впервые не стала подгонять ее под чужой график.

Утром на почте лежала повестка проектного совета. Вторым пунктом значилось: «Рассмотрение целесообразности замены архитектурной группы».

Я перечитала строку и открыла договор.

ГЛАВА 3. УСЛОВИЯ РАЗДЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Софья запретила мне называть загородный дом «его домом» до тех пор, пока мы не подпишем соглашение.

— Половина твоя, — сказала она. — Даже если он выбирал участок, вел стройку и знает, где перекрывается вода.

— Я тоже знаю.

— Отлично. Значит, при разделе имущества у нас уже есть одно бесспорное достижение брака.

Мы сидели в ее кабинете утром перед проектным советом. На столе лежали выписки, предварительный список собственности и копия брачного свидетельства. Я смотрела на дату регистрации. Пятнадцать лет уместились в одну строку и гербовую печать.

— С квартирой все ясно, — продолжила Софья. — Куплена до брака. Бюро зарегистрировано в браке, но у нас есть документы о происхождении начального капитала. Текущая стоимость и оборудование потребуют оценки. Служебное жилье не ваше. Машина на тебе, машина на нем. Накопления делятся, если вы не договоритесь иначе.

— Договоримся.

— Возможно. Но моя работа состоит в том, чтобы слово «договоримся» однажды стало текстом с подписями.

Она перелистала страницу.

— Что с детьми, мы установили. Теперь неприятный вопрос: ты точно хочешь развода или хочешь отдельной жизни, пока Герман учится спрашивать разрешение?

— Развода.

— Даже если он изменит поведение?

Я провела пальцем по краю свидетельства.

— Если я останусь сейчас, мы оба решим, что достаточно одного публичного извинения и нескольких правильных вопросов. Через полгода он снова выберет за двоих. А я снова промолчу до следующего раза.

— Это звучит обдуманно.

— Тебя разочаровывает?

— Меня разочаровывают только клиенты, которые прячут дачу на имя троюродной тети. Твоя задача — решить. Моя — не дать тебе потерять себя в процессе.

Она забрала свидетельство и положила в папку.

— Сегодня не обсуждай имущество с Германом в коридоре. И не соглашайся на профессиональные уступки в обмен на личные. Если они предложат убрать тебя из проекта, пусть объяснят основания письменно.

— Я подготовилась.

— Ты всегда готовишься. Попробуй еще не защищаться от того, чего пока не произошло.

Совет собирался в здании регионального представительства программы. За длинным столом стояли бутылки воды, одинаковые блокноты и таблички. Герман пришел последним. Поздоровался со всеми, со мной тоже, и занял место председателя.

Он выглядел так, будто ночь провел нормально. Я знала, что нет: под левым глазом появилась тонкая тень, а в папке лежало больше бумаг, чем требовала повестка. Раньше я первой замечала его усталость и позже всех принимала ее всерьез.

Мещеряков открыл обсуждение без вступления.

— После публичного заявления мы получили два запроса от партнеров и один от контрольного управления. Главный вопрос — сохраняет ли проект рабочую устойчивость при личном конфликте руководителей.

— У проекта один руководитель, — сказала я. — Юлия Сергеевна. У нас с Германом разные зоны ответственности.

— Формально. Фактически авторская группа опиралась на поддержку Германа Аркадьевича.

— На поддержку управления, — поправила я. — Если поддержка принадлежит одному человеку и зависит от его брака, у проекта действительно плохая устойчивость.

Юлия спрятала улыбку, сделав вид, что перечитывает документ.

Мещеряков снял очки.

— Я не обсуждаю ваш брак, Кира Андреевна. Я обсуждаю риск. Вчера вы публично опровергли председателя совета. Сегодня пресса называет программу семейным предприятием. Завтра подрядчик спросит, чье решение исполнять.

— Подрядчик должен исполнять договор и утвержденную документацию.

— Тогда рассмотрим замену архитектурной группы на организацию с большей административной емкостью.

Я открыла свою папку.

— Можно. Смена автора потребует новой экспертизы четырех разделов, передачи исходных исследований и пересогласования маршрутов. По оценке независимого консультанта — от трех до пяти месяцев. Контрольный запуск назначен через шесть недель. Кроме того, согласие участников пользовательской группы дано моему бюро, а не программе в целом. Их персональные данные нельзя передать новому подрядчику автоматически.

Мещеряков пролистал мой расчет.

— Вы подготовили это за ночь?

— Мы ведем реестр рисков с начала проекта. Я только добавила колонку «замена автора».

— И, конечно, она самая дорогая.

— Нет. Самая дорогая — открыть центр, которым люди не смогут пользоваться.

Герман до сих пор не вмешивался. Его молчание раздражало сильнее, чем если бы он начал защищать меня. Я не хотела, чтобы он защищал. Но часть меня, воспитанная пятнадцатью годами, ждала знакомого движения: он положит ладонь на документ и скажет, что вопрос закрыт.

Вместо этого он обратился к Юлии:

— Подтверждаете сроки пересогласования?

— Минимум три месяца, если эксперты пойдут навстречу. Скорее четыре.

— Медицинский блок?

Доктор Седых, присутствовавший по видеосвязи, ответил:

— Мы собирали требования вместе с бюро Данилевской. Начинать заново сейчас считаю опаснее, чем зафиксировать правила взаимодействия.

Герман повернулся ко мне.

— Какие правила вы предлагаете?

Он сказал «вы», потому что заседание было официальным. Еще неделю назад меня это рассмешило бы.

— Письменное разделение полномочий. Все изменения архитектурной части проходят через меня, медицинские — через Льва Андреевича. Требования безопасности управление направляет в общий реестр, а не подрядчику напрямую. Спорные решения рассматривает Юлия Сергеевна. Личные договоренности не считаются основанием для изменения проекта.

— Председатель совета исключается из цепочки? — спросил Мещеряков.

— Из моей линии подчинения. Я никогда в ней и не состояла.

Герман открыл лежавший перед ним проект регламента. Такой же был у каждого, кроме меня. Значит, он тоже готовился ночью.

— Я предлагаю похожую схему, — сказал он. — С одним отличием. Требование безопасности, связанное с непосредственным риском, исполняется до рассмотрения Юлией Сергеевной.

— Кто определяет непосредственный риск?

— Ответственный сотрудник управления.

— Который подчиняется вам.

— В оперативных вопросах ответственность нельзя размывать.

— А в архитектурных нельзя сначала разрушить решение, потом обсуждать. Давайте введем временную меру на двадцать четыре часа. Если за это время риск не подтвержден совместно, изменение отменяется.

— Сорок восемь.

— Двадцать четыре.

— Тридцать шесть.

Мещеряков постучал ручкой по столу.

— Вы сейчас делите часы или территорию?

— Ответственность, — одновременно сказали мы.

Юлия предложила тридцать часов и обязательное уведомление всех руководителей. Я согласилась. Герман тоже.

Дальше мы два часа разбирали проект. Мещеряков требовал план на случай моего отказа от федеральной программы. Я объяснила, что договор на «Берег» заключен отдельно и действует независимо от нового назначения. Юлия подтвердила. Герман не добавил ни слова о наших домашних разговорах.

К обеду регламент был принят на испытательный срок. Архитектурная группа оставалась. Финансирование сохранялось до контрольного запуска. Мещеряков записал в протокол, что еще один публичный конфликт может стать основанием для пересмотра.

— Публичный конфликт — слишком широкая формулировка, — сказала я.

— Тогда не давайте повода ее проверять, — ответил он.

После совета участники разошлись быстро. Герман складывал бумаги в папку. Я убрала ноутбук и направилась к двери.

— Кира, минуту.

Я остановилась, но не вернулась к столу.

— Условия регламента тебя устраивают? — спросил он.

— На испытательный срок.

— Я не буду давать подрядчикам распоряжения по твоей части.

— Это записано в протоколе.

— Я говорю не только о протоколе.

В кабинете остались Павел и Юлия. Павел немедленно нашел повод выйти. Юлия оказалась менее деликатной и продолжила собирать бумаги.

— Софья прислала предложение, — сказал Герман. — Я согласен на раздельное проживание и правила по счетам. По дому нужен оценщик.

— Выберем из трех независимых.

— Хорошо. Я переехал в служебную квартиру. Ты можешь вернуться.

— Я останусь у себя.

Он кивнул, будто получил доклад.

— Ты все еще считаешь, что развод необходим?

— Да.

— Даже после сегодняшнего?

— Сегодня мы создали рабочий регламент. Это хорошо. Но мне не нужен брак, который держится на протоколе совещания.

Юлия закрыла папку и наконец вышла.

Герман подошел ближе, оставив между нами расстояние, достаточное для делового разговора.

— Я не использовал проект против тебя.

— Я это вижу.

— И?

— И благодарна как руководитель бюро. Как жена я все равно хочу развода.

Он сжал губы.

— Ты разделила нас быстрее, чем полномочия в регламенте.

— Нет. Я просто впервые назвала разделение вслух.

Герман взял фуражку.

— Завтра я буду на площадке. Служба безопасности изменила схему входов.

— На каком основании?

— После брифинга ожидается больше прессы. Основной вход станет единым пунктом контроля.

— Это затронет маршрут семей.

Он остановился.

— Требование поступило до утверждения регламента.

— Но исполнять его будут после.

— Обсудим на месте.

— До начала работ.

— Да.

Это короткое «да» стоило ему заметного усилия. Мне не следовало испытывать удовлетворение от того, что муж согласился соблюдать правило, которое сам только что подписал. Но я испытывала.

На улице меня догнала Юлия.

— Ты хорошо подготовилась, — сказала она.

— Ты знала о назначении заранее.

Она не стала притворяться, что не поняла.

— За два дня. Герман сказал, что вы обсуждали и согласие вопрос времени.

— Почему не спросила меня?

— Потому что привыкла считать, что он точно знает твоё решение. Это моя ошибка.

— Спасибо, что сказала.

— Ты правда откажешься от всей программы?

— Я не решила. И это как раз то, что я пыталась объяснить.

Юлия застегнула пальто.

— Мещеряков будет давить на сроки. Он не хочет увольнять тебя, он хочет убрать непредсказуемость.

— Люди непредсказуемы.

— Для него это недостаток сметы.

Мы разошлись у входа. Я вызвала такси и по дороге просмотрела рабочую переписку. Подрядчик уже прислал схему единого входа. На плане красная линия шла через открытую зону ожидания. Любого человек, приехавший к психологу, должен был пройти мимо стойки прессы и официальных посетителей.

Я написала в общий реестр: «Изменение приостановить до совместного осмотра. Затрагивает приватность пользователей и утвержденное зонирование».

Ответ Германа пришел через пять минут: «Принято. Работы не начинать».

Я перечитала два слова. Не извинение, не признание, не просьба вернуться. Просто первое распоряжение, которое он отменил до того, как мне пришлось бороться с последствиями.

Вечером мы с Софьей созвонились по имуществу. Она предложила три оценочные компании и спросила, подписал ли Герман временное соглашение.

— Подписал.

— Без правок?

— Добавил, что экстренные траты с общего счета согласовываются постфактум в течение суток.

— Разумно. Ты возражаешь?

— Нет.

— Тогда не возражай для симметрии. У развода нет требования, чтобы каждый пункт причинял боль обоим.

Я выбрала оценщика и закрыла ноутбук. В квартире уже стояли стол и два стула, которые Нина нашла в магазине рядом с бюро. На стене остались светлые прямоугольники от картин прежнего жильца. Я решила пока ничего не вешать.

Перед сном пришло письмо от Льва Седых. Он подтвердил завтрашний осмотр и добавил: «Пригласил двух будущих пользователей. Если опять будем спорить о людях без людей, они имеют право обидеться».

Одного участника звали Илья Боровик. В анкете стояло: двадцать девять лет, травма ноги, трость, временно ограниченная подвижность. Рядом с пунктом «особые требования» он написал от руки: «Не трогать меня без спроса».

Я закрыла анкету и подумала, что это было самое ясное техническое задание, которое я получила за неделю.

ГЛАВА 4. ПРАВО ЗАКРЫТЬ ДВЕРЬ

Илья Боровик отказался входить через пандус.

— Он для вас и сделан, — сказал сотрудник подрядчика.

Илья оперся на трость и посмотрел на него без благодарности.

— Для меня сделали вход. А это загон с перилами.

Мы стояли перед «Берегом» в девять утра. Ветер с реки проходил через двор, где еще не высадили деревья, и поднимал строительную пыль. Основное крыльцо начиналось четырьмя широкими ступенями. Пандус шел вдоль всей стены, дважды поворачивал и выводил к отдельной тяжелой двери.

По нормам уклон был допустим. По жизни человеку с тростью предлагали пройти в три раза больше и потом ждать, пока кто-нибудь откроет.

— Прав, — сказала я. — Открываем центральную створку и ставим временный настил.

— Там не закончен порог, — возразил прораб.

— Поэтому настил. Постоянное решение подготовим после теста.

Илья перевел взгляд на меня.

— А можно я сам решу, что мне тяжелее: порог или экскурсия вокруг здания?

— Можно. Для этого мы вас и позвали.

Рядом с ним стояла Надежда, невысокая женщина в зеленом пуховике. Она держала планшет с анкетами и не пыталась поддержать мужа под руку. Когда рабочие положили щит через порог, Илья прошел сам. На середине задержался, проверил устойчивость тростью и сказал прорабу:

— Вот это уже похоже на вход.

Герман наблюдал со стороны, рядом с начальником безопасности. На нем было темное служебное пальто без видимых знаков различия, но рабочие все равно узнавали главного по тому, как освобождали ему дорогу. Он подошел, когда группа оказалась в вестибюле.

— Начнем с новой схемы контроля, — сказал начальник безопасности.

— Начнем с маршрута пользователя, — возразила я. — Контроль наложим на него, когда поймем, кого и от чего защищаем.

Герман посмотрел на часы.

— У нас два часа.

— Тогда не будем тратить их на спор до осмотра.

— Согласен.

Это прозвучало буднично. Начальник безопасности раскрыл папку, явно приготовленную для другого порядка обсуждения, и снова закрыл.

Мы прошли по первому этажу. Надежда отмечала места, где ей хотелось остановиться, Илья проверял повороты и высоту ручек. В открытой зоне ожидания стояли временные кресла. Через нее красной лентой обозначили будущий путь всех посетителей после проверки документов.

— Здесь будет стойка регистрации, — объяснил начальник безопасности. — Сотрудник видит оба входа и контролирует поток.

— А поток видит каждого, кто сидит в ожидании, — сказала я.

— Это общественное помещение.

— В центре восстановления общественное не означает публичное. Человек может ждать психиатра, специалиста по зависимости, семейного консультанта.

Илья сел в ближайшее кресло.

— Или ждать, пока врач скажет, годишься ты еще на что-нибудь или нет.

Надежда встала напротив него. Между ними прошли трое сотрудников, затем двое рабочих пронесли лестницу.

— Поговорить тут точно получится, — сказала она. — Сразу со всеми.

Герман обратился к начальнику безопасности:

— Почему убрали второй вход?

— После брифинга ожидаем прессу и официальный поток. Два поста потребуют дополнительной смены. Единый контроль надежнее.

— На время открытия — возможно, — сказала я. — Для постоянной работы нужен раздельный доступ. Официальные посетители входят со стороны двора. Семьи — через боковую галерею. Сотрудник безопасности видит обе точки на камерах, но люди не пересекаются у стойки.

— Камера не проверяет документы.

— Документы можно проверить в двух местах.

— Дополнительная смена, — напомнил Герман.

— Или другая планировка поста. Развернем окно, объединим внутреннее помещение и сохраним два окна приема.

Я открыла чертеж на планшете. Герман подошел ближе, но не взял устройство у меня из рук, как делал десятки раз. Я увеличила участок и показала перегородку, которую можно было сместить без новой экспертизы.

— Сколько времени? — спросил он.

— Три дня на рабочее решение. Неделя на согласование с подрядчиком.

— Стоимость?

— Посчитают сегодня.

Начальник безопасности покачал головой.

— Все равно останутся две точки проникновения.

— У нас центр, а не режимный объект, — сказал доктор Седых. — Если первым впечатлением станет подозрение, часть людей не вернется.

Герман не любил решения, в которых риск нельзя свести к одной цифре. Я видела, как он смотрит на план и мысленно проверяет слабые места. Раньше я торопилась заполнить такое молчание аргументами. В этот раз ждала.

— До тестирования единый вход не вводим, — сказал он наконец. — Кира Андреевна готовит вариант общего поста для двух точек. Безопасность дает замечания письменно.

Начальник кивнул.

— Принято.

— И еще, — добавила я. — Отзывы Ильи и Надежды входят в протокол с тем же статусом, что и замечания служб.

Мещерякова на осмотре не было, но его представитель сразу вмешался:

— Пользователи не обладают проектной квалификацией.

— Поэтому они не выбирают марку бетона. Они говорят, что не могут закрыть дверь и пройти к кабинету без посторонней помощи.

— Это рекомендации.

— Тогда рекомендации должны иметь ответ: принято, отклонено или требует проверки. Иначе мы позвали людей, чтобы сфотографироваться рядом с ними.

Илья постучал тростью по полу.

— Фотографироваться я не подписывался.

Герман посмотрел на представителя финансового блока.

— Включить отзывы в протокол с обязательным ответом ответственного раздела.

На этот раз спорить не стали.

Дальше мы проверяли семейные комнаты. Две из них выходили в общий коридор, третья — во внутренний двор. Надежда вошла в первую, закрыла дверь и через несколько секунд открыла.

— Слышно каждое слово, — сказала она.

Мы замолчали. Изнутри донесся голос Льва Седых, который говорил по телефону в соседней комнате. Разобрать слова было нельзя, но интонация передавалась отлично.

— Дополнительная звукоизоляция, — записала я.

— Она уже в проекте, — сказал прораб.

— Значит, выполнена плохо.

Он начал объяснять, что двери временные. Я попросила принести спецификацию постоянных и не делать выводов до замеров.

Во второй комнате стояли стол и четыре стула. Илья попытался сесть, не отводя трость в сторону. Стул оказался слишком близко к стене. Надежда переставила его, потом еще один, и проход к двери закрылся.

— Семья из четырех человек поместится, — сказал представитель подрядчика.

— Поместится и сможет выйти — разные требования, — ответила я.

Я сделала фотографии и набросала новую расстановку. Герман шел за группой молча. В коридоре его окликнул Павел, протянул телефон. Герман выслушал доклад и сказал:

— Через сорок минут буду на связи. Раньше не смогу.

Я невольно посмотрела на него. За последние годы он редко сообщал кому-то, что не может раньше. Обычно раньше могли все остальные.

На втором этаже мы задержались у тихой зоны. По плану там должны были стоять мягкие кресла, низкие столики и панели, поглощающие звук. Сейчас помещение было пустым. Из окна виднелась река, еще скованная грязным льдом.

— Зачем столько площади? — спросил представитель финансового блока. — Тут можно поставить восемь дополнительных мест для индивидуальной работы.

— Потому что между кабинетами люди тоже где-то находятся, — сказал Лев. — И не каждый может сразу выйти к остальным.

— Коридор широкий.

Илья повернулся к нему:

— Вы после плохих новостей любите посидеть в коридоре, где мимо ходят знакомые?

— Я говорю об эффективности использования площади.

— А я об эффективности человека, которому надо перестать трястись, прежде чем он сможет позвонить жене.

Надежда не посмотрела на мужа. Она стояла у окна, сжав ремень сумки. Я отметила это и не стала задавать вопрос при всех.

Осмотр закончился через два часа двадцать минут. У входа сотрудники разошлись по машинам. Илья и Надежда ждали такси. Я предложила отвезти их до города, но Илья отказался:

— Мы справимся. Если вы хотите помочь, сделайте дверь, которую можно открыть одной рукой.

— Сделаем.

— Проверим, — поправил он.

Они ушли к дороге. Я осталась у машины бюро, складывая планшет и папки на заднее сиденье. Макет входной группы, который мы привезли утром, оказался тяжелее, чем я помнила. Я подхватила его за основание.

— Помочь? — спросил Герман.

Он стоял в двух шагах. Не тянул руки, не объяснял, что я уроню.

— Возьми коробку с образцами, — сказала я. — Макет держу.

Герман взял коробку и поставил рядом с папками. Потом дождался, пока я устрою макет.

— Так?

— Да. Спасибо.

Павел уже открыл ему дверь служебной машины. Герман не уходил.

— Ты получила список оценщиков?

— Выбрала второго. Софья свяжется с твоим представителем.

— Хорошо.

— Герман, ты можешь говорить со мной напрямую об имуществе. Только фиксировать будем через адвокатов.

— Я не хочу, чтобы любое мое слово считалось давлением.

— Тогда не дави.

Он посмотрел на меня устало.

— Для тебя это теперь так просто?

— Нет. Но правило простое.

Павел отвернулся к дороге, предоставляя нам видимость уединения.

— Ты сегодня дважды спросил, прежде чем изменить решение, — сказала я. — Я заметила.

— И что это меняет?

— Сегодня — работу входа.

— Только?

— Только.

Он кивнул. На этот раз в жесте не было согласия, только принятие ответа.

Я села в машину и завела двигатель. Герман отошел, не проверяя, пристегнулась ли я, и не предложил другой маршрут. В зеркале он быстро стал частью общей группы у входа.

В бюро мы с Ниной начали считать варианты поста безопасности. Через час пришел протокол осмотра. Отзывы Ильи и Надежды были вынесены в отдельную таблицу с ответственными и сроками. Первой стояла фраза: «Разделение официального и пользовательского потоков сохранить».

Ниже Герман поставил электронную подпись.

Я не улыбнулась и не написала ему. Просто перенесла решение на чертеж. Нормальное уважение не требовало праздника.

Но вечером, когда я закрывала бюро, позвонила Надежда.

— Кира Андреевна, можно добавить одно замечание? Не при Илье.

— Конечно.

— Сделайте где-нибудь место не для пациента. Для того, кто рядом. Чтобы меня там хоть раз спросили, как я, и не ждали, что я отвечу за него.

Я открыла план семейного блока. Мы предусмотрели кабинеты для пар, комнаты для разговоров и зону ожидания. Отдельного маршрута для родственника, который не хочет быть только сопровождающим, не было.

— Спасибо, что сказали, — ответила я. — Я внесу это в задачу. И покажу вам вариант до утверждения.

— Правда покажете?

— Да.

После звонка я передвинула на плане архив, стерла часть коридора и освободила девять квадратных метров у внутреннего двора. Получалось теснее, чем хотелось, зато комната не была проходной. На полях написала: «Для родственника. Отдельная запись. Пациент только по приглашению».

Утром Надежда должна была посмотреть этот вариант первой.

К полудню Мещеряков запросил расчет, сколько мест мы потеряем из-за каждого такого решения.

ГЛАВА 5. ЛЮДИ ВМЕСТО ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Через неделю Илья вернулся в «Берег» с секундомером.

— Раз уж вы считаете все в минутах и метрах, я тоже подготовился, — сказал он.

На этот раз центральный вход был открыт. Временный настил заменили аккуратной платформой, а рабочие сняли одну створку тяжелой двери, чтобы проверить новую фурнитуру. Илья включил секундомер у парковки и остановил в вестибюле.

— Минута сорок три. В прошлый раз было четыре двадцать, если не считать ожидание доброго человека с ключом.

— Постоянный порог будет ниже, — сказала я.

— Тогда приду с линейкой.

— Приходите.

Надежда принесла список замечаний на двух листах. За прошедшую неделю она поговорила еще с тремя семьями. Им не хватало места для детей, шкафов для верхней одежды и возможности выйти из групповой комнаты, не проходя перед всеми участниками.

Мещеряков приехал лично. Он держал ее список двумя пальцами, но читал внимательно.

— Каждое дополнительное помещение уменьшает вместимость, — сказал он. — У нас уже минус восемь процентов к первоначальному расчету.

— Первоначальный расчет считал любую комнату одинаковой, — ответила я. — Кабинет, в котором семья не может разговаривать, не добавляет вместимость. Он занимает площадь.

— Это хорошая фраза для презентации. Мне нужна цифра.

— К вечеру получите три варианта с цифрами.

Герман стоял рядом с Юлией и не вмешивался. После утверждения регламента все требования шли через общий реестр. Первые два дня Павел звонил Нине после каждого письма, чтобы убедиться, что его получили. Потом перестал. Новая система понемногу училась существовать без личных ускорителей.

Сегодня мы проверяли путь от входа до медицинского кабинета и семейного блока. Для теста Лев попросил Илью воспользоваться креслом на колесах.

— Я хожу, — отрезал тот.

— Знаю. Но после некоторых процедур вы будете выходить уставшим. Нам важно проверить другой режим.

— Тогда посадите того, кто придумал этот маршрут.

Лев посмотрел на меня.

— Идея была общая.

— Значит, общим составом и катайтесь.

Сотрудник подрядчика начал объяснять методику тестирования. Илья развернулся к выходу.

— Подождите, — сказала я. — Вы не обязаны садиться. Пройдем так, как вам удобно. Если устанете, остановимся.

— Тогда зачем позвали?

— Чтобы вы сказали нет, когда мы предлагаем глупость.

Он посмотрел на кресло, потом на меня.

— Хоть честно.

Мы пошли пешком. На первом повороте Илья зацепил тростью низкую стойку с буклетами. На втором дверь закрылась быстрее, чем он прошел. Герман придержал ее, но Илья резко сказал:

— Не надо.

Герман сразу отпустил. Дверь вернулась в исходное положение.

— Доводчик настроить, — сказал он сотруднику безопасности. — Время закрывания увеличить.

Илья снова открыл дверь сам. На этот раз успел пройти.

— Благодарить не буду, — предупредил он.

— Я не просил, — ответил Герман.

У кабинета врача обнаружилась очередь из нашей тестовой группы. Проход был достаточно широким, но кресла стояли напротив дверей. Каждый выходящий оказывался лицом к ожидающим.

— Развернуть посадку боком, — предложила я. — И поставить короткую перегородку.

— Она сузит проход, — сказал подрядчик.

— На двадцать сантиметров. Допустимый размер остается.

— А уборка?

— Нижний просвет и моющееся покрытие.

Мещеряков записывал суммы. Я видела, как в его блокноте рядом с каждым решением появляется знак рубля.

— Когда мы дойдем до варианта, где человек просто приходит по записи и сразу заходит в кабинет? — спросил он.

Лев ответил:

— Когда научимся проводить обследование ровно столько минут, сколько записано в расписании. Я сорок четыре года мечтаю.

Даже Герман улыбнулся.

В семейном блоке Надежда показала свой список. Она говорила спокойно и не искала поддержки мужа.

— Нужен шкаф, который закрывается. Если мы остаемся на несколько дней, документы и лекарства нельзя держать в сумке под кроватью. В детской зоне нужен стол не только для рисования, но и для уроков. И хотя бы одна комната, куда родственник может прийти один.

— Без пациента? — уточнил Мещеряков.

— Особенно без пациента. Иногда мне нужно сказать врачу, что дома я больше не справляюсь. Если Илья сидит рядом, я этого не скажу.

Илья медленно повернул голову.

— Ты могла сказать мне.

— Вот сейчас и сказала.

В группе наступила пауза, которая принадлежала только им. Я попросила остальных перейти в соседнюю комнату. Представитель подрядчика хотел продолжить замеры, но Герман остановил его одним взглядом.

Через десять минут Надежда вышла одна.

— Продолжим, — сказала она. — Илья посидит.

— Может, перенесем? — спросила я.

— Нет. Я не хочу, чтобы из-за честного ответа снова все остановилось.

Мы осмотрели последнюю комнату. Из двух небольших кабинетов можно было сделать один для родственников и один для индивидуальной работы, если перенести архив в административную часть. Это требовало переделать вентиляцию и стоило денег, но не уменьшало общее число приемов.

— Вот цифра, — сказала я Мещерякову. — Функция добавляется без потери кабинета.

— За счет архива.

— Архив не нуждается в окне. Человек нуждается.

Он отметил что-то в блокноте.

— Дайте расчет к шести.

— Дам.

К полудню у входа появилась телевизионная группа. Съемку согласовали для отчета о ходе работ, но журналистка попросила снять Илью на новом маршруте.

— Нет, — сказал он.

— Только общий план, лица почти не будет видно.

— Тогда снимите кого-нибудь, кому почти все равно.

Продюсер обратился к Павлу. Тот посмотрел на Германа.

— Разрешение на площадку есть, — сказал Павел тихо. — Персональное согласие они должны брать сами.

Журналистка снова подошла к Илье и начала объяснять общественную пользу. Он крепче сжал трость.

— Съемка тестовой группы закончена, — сказал Герман. — Можете работать в пустых помещениях и с сотрудниками, которые дали согласие.

— Но нам нужен человеческий герой.

— У человека есть право не быть вашим героем.

Тон у него остался ровным. Группа ушла снимать двор.

Илья посмотрел на Германа.

— За это спасибо.

— Принято, — ответил тот.

После осмотра Илья и Надежда уехали отдельно. Я не знала, о чем они договорились, и не спрашивала. Их разговор не был частью нашего исследования.

Мы остались в проектной офисе: я, Герман, Юлия, Лев и Мещеряков. На стене висела таблица замечаний. Красных строк стало больше, чем зеленых.

— Если выполнить все, контрольный запуск сдвинется, — сказал Мещеряков.

— Не все требует стройки, — ответила я. — Часть решается мебелью и порядком работы.

— Порядок работы тоже стоит денег.

— Плохой порядок стоит больше. Только позже.

— Опять фраза.

— И опять будет расчет.

Герман попросил вывести таблицу сроков. Мы прошли по каждому пункту. Он задавал вопросы безопасности, но не предлагал решения за меня. В нескольких местах я сама согласилась с тем, что идеальный вариант не успеет к запуску. Мы обозначили временные меры и сроки постоянных.

Когда дошли до тихой зоны, Мещеряков потребовал сократить ее вдвое.

— Нет, — сказал Лев.

— У нас восемь процентов потери вместимости.

— Там нет потери. Там часть лечения.

— Медицинская услуга оказывается в кабинете.

— Человек не выключается между услугами.

Герман постучал пальцем по плану.

— Во время паводка два года назад мы развернули помощь в школьном спортзале. Мест было много. Через сутки люди начали уходить в автобусы и сидеть там, потому что не могли отдыхать на виду. Формальная вместимость работала только на бумаге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.